

войсками», о которомъ говорилъ Императоръ Николай, а равно и то «отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ», которое было одною изъ главныхъ причинъ неудачи, по мнѣнію генераловъ Богдановича и Дубровина ¹⁾).

Нельзя согласиться съ г. Алабинымъ лишь въ томъ, что только будущій историкъ можетъ взвѣсить и оцѣнить всѣ фазы Алминскаго сраженія: это возможно и теперь при достаточномъ знакомствѣ съ военною литературою и особенно съ трудами, указанными въ выноскахъ, а равно и съ записками самого же г. Алабина.

На стр. 27, между прочимъ, сказано: «На вопросъ императора Наполеона III, могъ ли Севастополь быть взятъ съ сѣверной стороны, Э. И. Тотлебенъ отвѣтилъ, что укрѣпленія сѣверной имѣли слабую профиль, были не сильно вооружены и занимались однимъ баталіономъ пѣхоты, поддержаннымъ 12-ю баталіонами только что сформированныхъ и дурно вооруженныхъ экипажей, а потому еслибы послѣ Алминскаго дѣла союзники безостановочно продолжали наступленіе, то штурмъ былъ бы успѣшенъ». Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ знаменитаго инженера, составлявшаго планъ подготовки сѣверной стороны къ оборонѣ, ибо хотя, благодаря искуснымъ его распоряженіямъ и необыкновеннымъ трудамъ рабочихъ, до прихода союзниковъ къ Бельбеку и была уже подготовлена позиція, имѣвшая на фронтѣ въ 1½ версты 29 орудій большого калибра, но гарнизонъ сѣверной стороны состоялъ только изъ 11,000 человекъ, почти исключительно моряковъ, вооруженныхъ однимъ только абордажнымъ оружіемъ, тогда какъ союзники располагали

---

¹⁾ См. сочиненія обоихъ генераловъ о восточной войнѣ 1853—56 гг. Последній изъ нихъ, между прочимъ, говоритъ: «Эта причина (отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ) главнѣйшимъ образомъ происходила отъ отсутствія всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоявшихъ дѣйствій. ...Въ арміи царствовала полнѣйшая безурядица»... (Стр. 92—93, Алабинъ, стр. 15).

впятеро превосходными силами, были отлично вооружены и воодушевлены только что одержанною побѣдою и могли еще опираться на содѣйствіе артиллеріи своихъ флотовъ. Къ тому же паденіе сѣверной стороны приводило къ неминуемому паденію и самого Севастополя.

Итакъ все говорило въ пользу штурма сѣверной открытою силою; но союзники на это не рѣшились. Г. Алабинъ полагаетъ, что если бы этотъ штурмъ стоилъ имъ даже и такихъ потерь, какія они понесли въ день взятія Севастополя, то они сэкономили бы все, что потеряли въ людяхъ, деньгахъ и матеріалахъ съ Алминскаго сраженія по 27-е августа 1855 года; однако при этомъ онъ замѣчаетъ, что взятіемъ сѣверной союзники никакихъ благопріятныхъ результатовъ не получали съ того момента, какъ мы затопили наши суда, преградивъ тѣмъ союзному флоту входъ на рейдъ; атаковать сѣверную одними сухопутными войсками не было цѣли, такъ какъ подъ огнемъ нашего флота союзники не могли бы удержаться на сѣверной, а тѣмъ болѣе не могли бы надѣяться одной полевой артиллеріей уничтожить нашъ флотъ въ бухтѣ; между тѣмъ, становясь тыломъ ¹⁾ ко всей Россіи, они теряли операціонную базу ²⁾ и оставались бы безъ продовольствія въ ежеминутномъ опасеніи, что русская армія можетъ прервать ихъ сообщенія съ Евпаторіей и флотомъ, поставивъ ихъ между двухъ огней; союзникамъ было безусловно необходимо обезпечить свой тылъ; на этомъ основаніи ихъ главнокомандующіе положили обойти Севастопольскій рейдъ, овладѣть Балаклавой и атаковать городъ съ южной стороны. Это оправданіе образа дѣйствій союзниковъ введено г. Алабинымъ въ позднѣйшемъ прибавленіи (въ выноскѣ къ стр. 26—28); въ

¹⁾ Не вполнѣ «тыломъ», такъ какъ при этомъ получился бы уголъ не въ 180°, но между 180° и 90°.

²⁾ Если г. Алабинъ полагаетъ, что у нихъ база была, то они могли ее обезпечить и не должны были ее терять; если же ея еще не было, то она не могла быть потеряна. Мысль г. Алабина выражена имъ не вполнѣ удачно.

первоначальномъ же текстѣ записокъ онъ склоняется скорѣе въ пользу противоположнаго мнѣнія, которое, пожалуй, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности, ибо, отдавая полную справедливость геройской доблести и прекраснымъ боевымъ качествамъ нашего тогдашняго черноморскаго флота, нельзя не признать, что положеніе его на Севастопольскомъ рейдѣ, послѣ загражденія онаго, было несравненно затруднительнѣе, чѣмъ положеніе греческаго флота передъ Саламинскимъ сраженіемъ. Если бы союзники наступали къ Севастополю, не теряя времени, послѣ Алминской побѣды и утвердились на высотахъ къ югу отъ нижняго Бельбека, командующихъ надъ рейдомъ, то бой, который произошелъ бы въ этомъ случаѣ, привелъ бы ихъ неминуемо къ новой побѣдѣ и къ овладѣнію Севастополемъ, при чемъ героизмъ нашего флота не могло бы предотвратить этого исхода, а увеличило бы только затрудненія, которыя пришлось бы преодолѣть союзникамъ; князь Меншиковъ, потерявшій вѣру въ свои войска и не находившійся на высотѣ своего назначенія, во всякомъ случаѣ отступилъ бы въ направленіи къ Бахчисараю, тѣмъ болѣе что союзники располагали силами вполне достаточными для того, чтобы прервать сообщенія Севастополя съ Россіею. Когда такимъ образомъ Севастополь очутился бы въ рукахъ союзниковъ, никто не мѣшалъ бы имъ перемѣнить операціонную линію и устроить хотя бы такую же базу, какая была ими устроена во время осады Севастополя, при чемъ они, въ худшемъ случаѣ, сразу очутились бы въ такомъ же положеніи, какого они достигли лишь послѣ штурма 27 августа 1855 года. Но двойственность командованія союзною арміею и отсутствіе стратегическаго искусства у союзныхъ главнокомандующихъ, коимъ обстановка представлялась довольно неясно, имѣли слѣдствіями остановку на Альмѣ, отсутствіе эксплуатаціи побѣды и вообще отсутствіе энергіи въ веденіи операціи, а затѣмъ рѣшеніе отказаться отъ атаки сѣвернаго укрѣпленія открытою силою, обойти Севастополь фланговымъ

маршемъ и предпринять атаку этого города съ южной стороны. Самый фланговый маршъ ихъ 13-го сентября къ хутору Мекензи и далѣе къ р. Черной былъ произведенъ крайне неудовлетворительно: дорога была предоставлена артиллеріи и кавалеріи, а пѣхота шла по сторонамъ ея, при чемъ, вслѣдствіе пересѣченности мѣстности и густыхъ кустарниковъ, порядокъ очень скоро нарушился, солдаты разбрелись и начали предаваться мародерству. Даже иностранные писатели признаютъ, что если бы въ это время ихъ войска подверглись нападенію русскихъ, то катастрофа была бы неизбежна ¹⁾. Но счастье въ эту войну было рѣшительно на сторонѣ союзниковъ; въ данномъ же случаѣ союзные вожди нашли себѣ достойнаго соперника въ лицѣ князя Меншикова, который, принявъ случайно ²⁾ цѣлесообразное рѣшеніе отнести центръ тяжести операцій своей арміи изъ Севастополя на путь, приводившій его къ свободному сообщенію съ имперіею, не сумѣлъ возвыситься до истинно великаго рѣшенія: покончить съ Севастополемъ собственными нашими руками, какъ это ни было прискорбно для нашего сердца. Жертва, которую онъ принесъ бы такимъ образомъ на алтарь отечества, была бы гораздо меньше и легче, чѣмъ та, которую принесъ Кутузовъ, приведя въ исполненіе свои знаменитыя слова, произнесенныя въ Филяхъ въ 1812 году: «Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія!» Пожертвовавъ священною столицею, сердцемъ земли русской, Кутузовъ сохранилъ армію, которая и являлась единственнымъ средствомъ для спасенія Россіи. Слѣдуя этому примѣру, Меншикову надлежало: взорвать и вообще уничтожить въ Севастополѣ все то, что не должно было достаться врагу, вывести войска, вывезти всѣ средства сопротивленія и предоставить Корнилову привести въ исполненіе его планъ двинуться съ флотомъ въ море и атаковать союз-

---

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. I, стр. 246.

²⁾ Тамъ же, стр. 243.

ный флотъ, столпившійся у мыса Лукулла. Затѣмъ надлежало уклониться отъ боя съ превосходными силами противника, выжидать прибытія подкрѣпленій и перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ только при наличности достаточныхъ шансовъ на успѣхъ. Правда, что въ такомъ случаѣ наша военная исторія не обогатилась бы достославными страницами, посвященными геройской оборонѣ Севастополя, но за то мы сэкономили бы болѣе 120,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя въ севастопольскомъ гарнизонѣ и въ полевыхъ бояхъ при Балаклавѣ, Инкерманѣ, Евпаторіи и Черной ¹⁾, тогда какъ союзники сэкономили бы только 60,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя подъ Севастополемъ и въ тѣхъ же бояхъ. Такимъ образомъ отношеніе между силами обѣихъ сторонъ измѣнилось бы въ нашу пользу на столько, что если бы союзники рискнули насъ атаковать, то ранѣе или позднѣе потерпѣли бы пораженіе, не взирая на отсутствіе искусства въ главной квартирѣ нашей арміи: наступать не только въглубь территории нашего отечества, но даже и въглубь Крыма они не могли бы, имѣя противъ себя нашу сильную армію, а оставаясь подъ Севастополемъ, они давали бы нашей арміи возможность усиливаться еще болѣе и наконецъ подавить ихъ такими силами, какихъ они сосредоточить не могли, короче сразить ихъ подавляющимъ превосходствомъ силъ.

Въ виду этихъ соображеній заключеніе г. Алабина, что князь Меншиковъ сумѣлъ воспользоваться указанною ошибкою союзниковъ, едва-ли вѣрно; собственно же фланговый маршъ нашей арміи былъ произведенъ ночью въ одной колоннѣ, безъ боковаго авангарда и безъ отданія общей диспозиціи для движенія; распоряженія дѣлались княземъ на словахъ и передавались отдѣльно разнымъ начальникамъ; при этомъ были естественны разныя недоразумѣнія, задержки и

---

¹⁾ Не считая 5,710 чел., выбывшихъ изъ строя на р. Альмѣ, и 8,455 чел., умершихъ отъ болѣзней во время обороны Севастополя.

т. п. Главныя силы обѣихъ армій прошли въ 4-хъ верстахъ другъ отъ друга, а столкновение произошло только между хвостомъ колонны Горчакова и англійскимъ авангардомъ. Конечно, отвѣтственность за это должна пасть отчасти на кавалерію обѣихъ сторонъ, не подготовленную къ исполненію одной изъ своихъ важнѣйшихъ обязанностей, развѣдыванія въ достаточно широкихъ размѣрахъ; но главными отвѣтчиками, на памяти коихъ остается весь срамъ этой «*фигуры кадрили*», являются главнокомандующіе нашею и непріятельскими арміями.

Дѣянія князя Меншикова поучительны, конечно, въ отрицательномъ смыслѣ: 1) для тѣхъ генераловъ, которые, будучи одержимы самомнѣніемъ, полагаютъ, что они могутъ обойтись безъ надлежащимъ образомъ организованнаго штаба, и которые любятъ прибѣгать къ словеснымъ указаніямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда польза дѣла требуетъ отданія письменной диспозиціи, а если и отдаютъ диспозиціи, то, подъ видомъ краткости, вводятъ въ нее туманность и неопредѣленность, за которыми скрывается фантазерство, короче говоря, которые «*рисуютъ себѣ картины*» вопреки извѣстному совѣту Наполеона; 2) для тѣхъ военачальниковъ вообще, которымъ бремя командованія не по силамъ по какимъ бы то ни было причинамъ. Первые должны внимательно изучать военную исторію, вдумываясь особенно серьезно въ дѣйствія полководцевъ, подобныхъ князю Меншикову въ указанномъ отношеніи; вторые же должны вовсе отказаться отъ командованія.

Такъ или иначе, роковая ошибка сдѣлана: въ Севастополѣ оставленъ гарнизонъ и приказаніе объ очищеніи его не отдано. Гарнизонъ этотъ былъ *слабъ числомъ*, но *крѣпокъ духовною силою*. «Большинство, говоритъ г. Алабинъ, обрекло себя на смерть, но не на сдачу. Геній Корнилова и Нахимова берегъ судьбу города. Эти два героя болѣе другихъ бодрствовали, одушевляли жителей и гарнизонъ сло-

вомъ и примѣромъ. Созвали военный совѣтъ... Корниловъ предложилъ выйти съ остальнымъ флотомъ въ море и съ огнемъ и мечомъ достигнуть Константинополя, или броситься на непріятельскій флотъ и погибнуть, увлекая съ собою на гибель сонмы враговъ». Многіе воспротивились принятію этого геройскаго предложенія. «Смертью своею, говорили герои, мы все-таки не спасемъ флота, но погубимъ флотъ и городъ; если уже суждено погибнуть нашему флоту, то, по крайней мѣрѣ, спасемъ городъ, умирая на его стѣнахъ». Предложеніе это было принято съ восторгомъ. Говорятъ, Корниловъ согласился съ нимъ и между прочимъ, воскликнулъ: «Будемъ драться до послѣдняго. Отступить намъ некуда: сзади насъ море... Запрещаю бить отбой... Если кто изъ начальниковъ прикажетъ бить отбой, заколите такого начальника, заколите барабанщика, который осмѣлится ударить позорный бой. Товарищи! если-бъ я приказалъ ударить отбой, не слушайте, и тотъ подлецъ будетъ изъ васъ, кто не убьетъ меня!»! Понятно, какое впечатлѣніе должна была произвести на севастопольскихъ офицеровъ такая геройская рѣчь... Съ такимъ человѣкомъ, какъ Корниловъ, въ такомъ обществѣ, какое образовали севастопольскіе моряки, какое препятствіе могло показаться невозможнымъ? Какая смерть ужасною? Воскресли древнія времена Россіи... Геній одного пробудилъ геній другого: Тотлебенъ взялся искусствомъ помочь мужеству и несокрушимой отвагѣ севастопольцевъ. Закипѣла сверхъестественная дѣятельность. Кто имѣлъ только силы—работалъ словомъ и дѣломъ. Даже женщины принялись за работу. Перо Тотлебена едва успѣвало чертить укрѣпленія, а севастопольцы не уставали осуществлять его идеи. Орудія съ флота сотнями переходили на вновь создаваемые батареи... Морскіе офицеры съ своими командами взялись за оборону батарей, для нихъ замѣнившихъ корабли: та-же прислуга, что и на корабляхъ, тѣ-же команды, тотъ-же порядокъ, почти тотъ-же способъ командованія и управленія,

та-же несокрушимая рѣшимость, что и на морѣ, та-же ловкость, что и на ряхъ, та-же отвага, что и въ борьбѣ съ разъяренною стихіею. И вотъ внезапно предсталъ врагамъ на сушѣ, будто по манію волшебнаго жезла, *окаменѣлый флотъ*! Бортами повернутые къ врагу, неподвижно стоятъ стопушечные земляные корабли, люки открыты, фитили горятъ, все готово. Идите, дорогіе гости»!... (стр. 28—30).

Эти превосходныя строки стоятъ цѣлыхъ фоліантовъ. Ими авторъ даетъ полное представленіе о томъ приѣмѣ, который приготовили севастопольцы своимъ «дорогимъ гостямъ». Начали это дѣло доблестные моряки. Затѣмъ послѣдовательно притягивалось во вновь создаваемую твердыню все больше и больше сухопутныхъ войскъ, главнымъ образомъ пѣхоты, но съ добавленіемъ къ ней представителей разныхъ родовъ оружія и службы. Къ концу обороны подошли и ополченныя части. Съ теченіемъ времени число сухопутныхъ значительно превысило число моряковъ, но духъ и характеръ обороны не измѣнились. Это было обще-русское дѣло и никакой разницы между русскими людьми быть не могло: сухопутные вскорѣ послѣ прибытія въ Севастополь сживались съ моряками въ одно стройное органическое цѣлое, въ одну семью и дружно братски отстаивали бастіоны и укрѣпленія, ходили на вылазки и умирали смертью храбрыхъ, какъ на своихъ постахъ, такъ и на непріятельскихъ позиціяхъ.

Враги наши, перейдя на южную сторону Севастополя, не нашли въ себѣ достаточно рѣшимости для того, чтобы сразиться съ русскими въ открытую и повели осаду. На сторонѣ ихъ были преимущества въ отношеніи матеріальномъ, главнымъ же образомъ въ отношеніи командованія, калибра орудій, числа большихъ мортиръ и особенно возможности громить Севастополь сосредоточеннымъ огнемъ, нанося громадныя потери обороняющемуся, который долженъ былъ держать свои резервы на готовѣ для отраженія штурма, и терпя гораздо меньшія потери вслѣдствіе воз-

возможности держать въ траншеяхъ лишь необходимое число войскъ и отводя остальные назадъ ¹⁾).

Чѣмъ далѣе впередъ подвигались союзники, тѣмъ труднѣе было положеніе защитниковъ Севастополя, и это обрисовано г. Алабинымъ въ высшей степени рельефно. О первомъ бомбардированіи 5-го октября онъ говоритъ сравнительно мало, такъ какъ 11-я дивизія въ то время находилась еще въ Одессѣ, а въ окрестности Севастополя прибыла въ двадцатыхъ числахъ октября, послѣ боя подъ Балаклавою 13-го того-же мѣсяца. Бой подъ Балаклавою является единственнымъ успѣшнымъ для насъ полемымъ боемъ, но всякій истинно русскій человѣкъ можетъ только желать своимъ войскамъ никогда не одерживать подобныхъ успѣховъ. Если бы князь Меншиковъ выждалъ прибытія 10-й и 11-й дивизій, то численность его арміи дошла бы до 85,000 чел., тогда какъ союзники располагали только 70,000 чел., изъ которыхъ въ полѣ намъ могли быть противопоставлены лишь небольшія силы. Но Свѣтлѣйшій, получившій *неверное* свѣдѣніе о недостаткѣ у севастопольскаго гарнизона пороха ²⁾, приказалъ генералу Липранди, не ожидая прибытія подкрѣпленій, *отвлечь* отъ Севастополя союзниковъ хотя-бы взятіемъ Кадыкіойскихъ редутовъ. Конечно, не вина Липранди, что ему приказали произвести операцію, которую онъ признавалъ нецѣлесообразною; но, во всякомъ случаѣ, даже и съ тѣми силами, которыя были въ его распоряженіи, онъ могъ рѣшить лучше данную ему задачу и, пожалуй, даже овла-

¹⁾ Такъ при 1-мъ бомбардированіи русскіе потеряли 1,112, а союзники 348 чел. при 2-мъ русскіе 6,130, а союзники 1,850 чел. и т. д.; только при 4-мъ бомбардированіи (съ отбитіемъ штурма) русскіе 4,827, а союзники 7,000 человѣкъ.

²⁾ Только у сухопутнаго вѣдомства, къ вечеру 9-го октября, было 12,951 пудъ; сверхъ того приближалось 3 транспорта съ 5,900 пуд.; изъ нихъ одинъ прибылъ 13 октября. Пороху хватило бы еще на недѣлю, до прибытія остальныхъ транспортовъ и 10-й пѣхотной дивизіи. Наконецъ порохъ можно было взять изъ флота и изъ минъ. Но въ штабѣ Меншикова объ этомъ не знали (Алабинъ, стр. 74).

дѣтъ Балаклавою, принимая во вниманіе недостаточность мѣръ, принятыхъ въ то время союзниками для ея обезпеченія: для этого слѣдовало, не разбрасывая свои силы и не выпуская ихъ изъ рукъ, подавать возможно болѣе впередъ свой лѣвый флангъ и этимъ флангомъ нанести врагу рѣшительный ударъ, при чемъ и кавалерія Рыжова, дѣйствуя на этомъ флангѣ, могла-бы, вмѣсто неудачи, одержать успѣхъ; колонна Гриббе должна была-бы принимать болѣе дѣятельное участіе въ бою, и вообще во всемъ боѣ должно было бы быть больше цѣльности и единства въ дѣйствіяхъ. Съ этой точки зрѣнія Балаклавскій бой освѣщенъ г. Алабинымъ недостаточно, что впрочемъ объясняется тѣмъ, что онъ въ немъ не участвовалъ. Въ стратегическомъ отношеніи бой этотъ принесъ намъ не пользу, но вредъ, ибо указалъ непріятелю слабую его сторону и заставилъ его принять самыя энергичныя мѣры съ этой стороны.

Но вотъ подошли 10-я и 11-я дивизіи; списочное состояніе арміи дошло до 87,000 чел. (не считая флотскихъ экипажей), а за вычетомъ больныхъ и раненныхъ (находившихся въ госпиталяхъ), въ ней состояло 71,000 чел., тогда какъ силы союзниковъ достигали только 63,000 чел.¹⁾ Перевѣсъ въ численномъ отношеніи перешелъ на нашу сторону. Къ тому же прибытіе къ арміи Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, слова, ими сказанныя войскамъ отъ Имени Государя, произвели на войска такое впечатлѣніе, что они были готовы броситься, не задумываясь, въ самый страшный бой (стр. 84).

Нужно было только умѣть воспользоваться этими благоприятными для насъ условіями. Князь Меншиковъ и предпринялъ наступленіе, приведшее къ Инкерманскому сраженію 24-го октября. Сраженію этому г. Алабинъ посвящаетъ стр. 85—129, при чемъ не только излагаетъ то, что ему

---

¹⁾ Обзоръ войнъ, стр. 277.